

ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 10.02.19)

Научная статья

УДК 81

doi: 10.18522/2070-1403-2021-89-6-64-71

КУЛЬТУРОГЕННОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

© *Мария Игоревна Кудрявцева¹, Зинаида Владимировна Режук²*

Южный федеральный университет. г. Ростов-на-Дону Россия

¹*mia@sfedu.ru* ²*zrezhuk@sfedu.ru*

Аннотация. Рассматривается проблематика культурогенности фразеологических единиц (ФЕ) на основании выявления возможности их лингвокогнитивного моделирования. При наличии определенных трудностей в структурировании моделей ФЕ возможно установить основания отражения культурных кодов и смыслов в ФЕ: во фразеологическом фонде закрепляются только те компоненты культуры, которые отражают образное представление о мире сквозь призму мифологем, стереотипов и национально-специфических образов.

Ключевые слова: культурогенность, языковая картина мира, фразеологическая единица, фразеологизм, лингвистическое моделирование.

Для цитирования: Кудрявцева М.И., Режук З.В. Культурогенность фразеологических моделей в языковой картине мира // Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 89. № 6. С. 64-71. doi: 10.18522/2070-1403-2021-89-6-64-71

PHILOLOGY

(specialty: 10.02.19)

Original article

Phraseological models culturogenicity in the language picture of the world

© *Maria I. Kudryavtseva¹, Zinaida V. Rezhuk²*

Southern federal university. Rostov-on-Don, Russian Federation

¹*mia@sfedu.ru* ²*zrezhuk@sfedu.ru*

Abstract. It is considered the problem of culturogenicity of phraseological units on the basis of identifying the possibility of their linguistic and cognitive modeling. In the presence of certain difficulties in structuring PU models, it is possible to establish the grounds for reflecting cultural codes and meanings in PU: only those components of culture are fixed in the phraseological fund that reflect a figurative idea of the world through the prism of mythologemes, stereotypes and nationally-specific images.

Key words: culturogenicity, language picture of the world, phraseological unit, linguistic modeling.

For citation: Maria I. Kudryavtseva, Zinaida V. Rezhuk Phraseological models culturogenicity in the language picture of the world. *The Humanities and Social Sciences*. 2021. Vol. 89. No 6. P. 64-71. doi: 10.18522/2070-1403-2021-89-6-64-71

Введение

Для современной научной парадигмы лингвистики актуально применение метода лингвистического моделирования в двух основных векторах: с одной стороны, моделирование позволяет формализовать описание структуры, семантики и функционирования единиц языка, с другой, – представить эталонный образец, отражающий структурные или семантические элементы языковых знаков, которые эти знаки формируют и являются основой семиозиса в целом (порождающие модели). Актуальность исследования обусловлена изучением культуры, в контексте которой любое явление может быть интерпретировано как часть семиотически сложного культурного текста.

Языковая картина мира включает в свой состав фразеологическую картину мира. Ценнейшим источником сведений о культуре и мировоззрении этноса, о национальном мен-

талитете является фразеологический фонд языка, фиксирующий представления народа об окружающем мире, о тех ценностях и нормах, которые выработаны веками и передаются из поколения в поколение. Фразеологическая картина мира, являясь структурным компонентом языковой картины мира, может быть подвергнута моделированию с различных исследовательских позиций. Однако применение моделирования во фразеологии осложняется целым рядом факторов. На раннем этапе развития фразеологии проводилось моделирование грамматических и синтаксических характеристик фразеологических единиц (ФЕ). Например, Н.М. Шанский исследовал синтаксические модели ФЕ типа «имя прилагательное + имя существительное» [20]; Н.Н. Амосова предлагает типологию фразеологических словосочетаний, включающую сочинительные, одновершинные, компаративные и др. [1].

Предложенные в 1960-1970-е гг. модели характеризуются широким охватом ФЕ, что позволяет на их основе предлагать различные типологии ФЕ и прогнозировать принадлежность новых ФЕ к конкретному типу. Ряд работ в парадигме современной фразеологии также опирается на методологию фразеологических моделей в их формальном аспекте [19]. Наибольшие затруднения наблюдаются в построении структурно-семантических моделей ФЕ ввиду уникальности семантики каждой ФЕ, что само по себе обрекает на неудачу попытки моделирования в этой сфере [1, с. 10], а также нерегулярность воспроизводимости значений ФЕ [3, с. 56]. ФЕ трактуются как немоделируемые образования, т.к. они не обладают типовым значением в соответствии с лексико-грамматической моделью. Возможна типологизация семантической организации ФЕ: идиомы и фраземы, по Н.Н. Амосовой; идиоматизмы, фразеоматизмы, идиофразеоматизмы, по А.В. Кунину, однако невозможно конструирование порождающей модели ФЕ с инвариантом значения и инвариантом буквального значения. Тем не менее, неосуществимость создания порождающих моделей во фразеологии вовсе не свидетельствует о невозможности реализации моделей описания. Так, А.В. Кунин предложил грамматические, структурно-семантические, фразообразовательные и стилистические модели ФЕ. Научная ценность фразообразовательных моделей, предложенных А.В. Куниным, состоит в их способности описывать этапы формирования ФЕ в диахронии [8].

Также предпринимались попытки разработки релевантной в отношении небольших групп ФЕ модели на основе инвариантности значения и внутренней формы. Так, В.М. Мокиенко изучает структурно-семантический инвариант ФЕ, для которого свойственно схематическое отражение относительной стабильности их формы и семантики [12, с. 43]. В современной научной парадигме удачны попытки описания фразеологических сочетаний типа *зло/тоска/досада берет* [19], *вести расследование/ борьбу/переговоры/репортаж* [3, с. 58]. Однако такие фразеологические сочетания большинством исследователей относимы к периферии фразеологического фонда либо вовсе не включены в него.

Обсуждение

Фразеология любого языка характеризуется как универсальными, так и этноспецифическими признаками. Отметим в этой связи, что интегральные черты ФЕ обнаруживают когнитивный фундамент фразеологии, обусловливаемый единым характером мышления человечества, а также общностью свойств окружающего мира. На наш взгляд, с таких позиций возможно применение метода лингвистического моделирования в плане создания когнитивных моделей ФЕ. Важным аспектом применения метода лингвистического моделирования является не только построение структурно-семантических моделей ФЕ, но и моделирование самого процесса функционирования и понимания фразеологизмов как кодирования и декодирования культурной информации [13]. Представляется, что культурогенность фразеологических моделей может быть непротиворечиво описана именно в координатах моделирования рецептивно-интерпретативной деятельности адресата. Если адресату известно фразеологическое значение, то для его корректного декодирования в сознании соотносятся план содержания и план выражения ФЕ. Однако, если адресату значение неизвестно, то оно определяется в соответствии с его внутренней формой, ори-

зонтальным контекстом (непосредственным вербальным окружением фразеологизма) и вертикальным контекстом (фоновыми знаниями о мире, знаниями символики, свойственной конкретной лингвокультуре).

Рассмотрение проблемной сферы этноспецифического в семантике и структуре ФЕ характеризуется в современной лингвистике наличием различных подходов к выявлению национально-культурных компонентов фразеологизмов. Степень охвата фразеологического материала, методологические основы и практические приемы применения методик в координатах этих подходов различны, прежде всего, потому что язык изучается с позиций выяснения его онтологического статуса и экзистенциального контекста, что обуславливает пристальное внимание фразеологов к прошлому, настоящему и будущему носителей языка. Безусловно, ФЕ принадлежат конкретной лингвокультуре, активно участвуя в формировании языковой картины мира и языкового сознания членов лингвокультурного коллектива. Правомерно утверждение З.Д. Поповой и И.А. Стернина о формировании языковой картины мира посредством номинативных средств языка (лексем, устойчивых номинаций, фразеологизмов, представляющих классификационную модель членимого языком и сознанием онтологического мира), и языковой картине мира свойственна номинативная лакунарность, отражающая особенности лингвокультуры. Также в формировании языковой картины мира участвуют «функциональные средства языка (наиболее частотные, коммуникативно релевантные лексические и фразеологические единицы на фоне всего корпуса элементов языковой системы); образные средства языка (национально-специфическая метафорика, развитие этноспецифических переносных значений, внутренняя форма языковых единиц); фоносемантика языка» [14, с. 46].

ФЕ, наряду с другими единицами языка, способны аккумулировать весь комплекс духовной деятельности этноса, систему ценностей, обнаруживают возможность запечатлеть национальный менталитет и мировидение. В этом отношении правомерно мнение В.А. Масловой о том, что фразеологизм способен запечатлеть целый ряд этно-культурных аспектов: «фрагменты устоявшихся форм образно-мифологического видения мира природы; определенная концепция человека, его социальных и культурных связей, его внутреннего мира; некие типизированные формы народного мышления, способы образно-ассоциативной связи понятий, количественного членения мира и распределения признаков, связей и отношений того или иного явления; способы оценки того или иного явления; система идеалов и ценностей, нравственных норм и образцов; народные представления о красоте; система религиозных и мифологических представлений; определенные этапы социокультурного развития, исторические события, социальные институты, бытовая обрядность» [9, с. 164].

Безусловно, культурогенность фразеологизмов и их возможных моделей обуславливается функционированием культурных кодов. Код культуры, как правомерно утверждает В.В. Красных, – это «сетка», которую культура «набрасывает на окружающий мир, членит его, категоризирует, структурирует и оценивает его» [7, с. 232]. Исходя из данного постулата ясно, что и язык этноса позволяет осуществить категоризацию мира, представив совокупность знаний о нем в виде языковой картины мира, имеющей национальные особенности. Например, А.А. Мельникова на основе применения оппозитивного метода приходит к выводу об осмыслении мира русскими как непредсказуемого, нелогичного, неструктурированного, поэтому в таком мире может случиться что угодно. Наиболее плодотворной в этом отношении становится оппозиция *авось–на всякий случай*: *авось* манифестирует представления человека о непредсказуемости мира, *на всякий случай* – отражение стремлений человека быть готовым к противостоянию жизненным обстоятельствам [10, с. 109-187]. Лингвокогнитивный феномен русской языковой картины мира *авось* интерпретирован А.А. Мельниковой на основании этноспецифики этого концепта, выявленной А.Д. Шмелевым [21, с. 139]. Специфика национального менталитета отражена на различных языковых уровнях: от «мелких слов» (в терминологии Л.В. Щербы) *авось*, *вдруг* и пр. до синтаксических структур [10]. Фразеологизм *куда кривая выведет* [15] выполняет роль стереотипного представления о действии русского человека на *авось*, и употребляется, когда вероятность беды велика, но в то же время присутствует надежда.

Представляется, что культурогенность фразеологизмов как единиц языка возможно подтвердить такими ФЕ, которые созданы в соответствии с конкретными синтаксическими моделями. Поскольку такие модели определяют и эксплицируют определенный ход мыслительного процесса, мы вправе также говорить о моделировании компонентов языковой картины мира и лингвокогнитивного пространства этноса. Например, ФЕ *Тихо пойдешь – от беды не уйдешь; шибко пойдешь – на беду набредешь* [4, т.1, с. 300]. Фразеологическое значение, закрепленное в этой ФЕ, обнаруживает подчиненность русского национального сознания идее неотвратимости судьбы, рока, неизбежности. Ощущение непредсказуемости подкрепляется в данном случае синтаксической структурой – параллелизмом, который включает антонимы *тихо – шибко, не уйдешь – набредешь*, а также включает грамматическую антитезу *от беды – на беду*.

ФЕ *допить/испить горькую чашу до дна* [15] свидетельствует о невозможности уйти от полноты испытаний и трудностей, которые выпали на долю человека. Компонент анализируемой ФЕ, метафора *горькая чаша*, символизирует в христианской картине мира страдания.

В зависимости от времени действия ФЕ может иметь два значения:

- если ФЕ употребляется в контексте будущего времени, то появляется значение неизбежности страданий, жизненных испытаний, невзгод (глагол совершенного вида, имеющий значение завершенности действия, подчеркивает необходимость терпеливо перенести все тяготы жизни);
- если же речь идет о свершившемся действии, то ФЕ обозначает, что все испытания перенесены в полной мере и достойно.

ФЕ *В поле съезжаются, родом не считаются* [4, т. 3, с. 391] отражает специфику русского национального характера – вспыльчивость и воинственность в принципиально важных для личности и этноса вопросах (при миролюбивости и разнообразных проявлениях гостеприимства в большинстве случаев). Значение толерантности к иному, уважения чужого пространства закреплено в ФЕ *По которой реке плыть, той песенки и неть* [4, т.1, с. 417]. Отметим в этой связи, что культурогенность в приведенном примере ФЕ фиксируется в концептуальном пространстве *Война, конфликт, столкновение*, а определяющим признаком становится нивелирование всех участников такого конфликта в отношении их заслуг или происхождения, их равенство в таком столкновении. ФЕ представляют собой наиболее репрезентативный материал для лингвокультурологии по причине мотивированности их внутренней формы, которая зачастую включает этнокультурные элементы, ведь фразеологизмы возникают на основе «образного представления о действительности, отображающего по преимуществу обиходно-эмпирический, исторический и духовный опыт языкового коллектива, связанный с его культурными традициями» [16].

Фразеология – «это своего рода интеграция истории языка и развития общества. Именно в идиоматике фиксируются через экспрессивные, в своем большинстве, знаки косвенно-производной номинации экстралингвистические факты, к которым относятся обычаи, обряды, поверья, быт, воззрения на религию, социальную организацию общества, окружающий мир и представления о нем и т.д.» [16, с. 194]. Общеизвестно, что и заимствованные ФЕ, часто имеющие интернациональный характер, могут семантически, прагматически и концептуально трансформироваться под влиянием языковой картина мира конкретного народа: «Сплетение национального и интернационального происходит постоянно»: «любой оборот, заимствованный из другого языка, вливаясь в новую среду, так или иначе приспособливается к ней и в итоге – национализируется... Даже тогда, когда этому препятствует ... непонятность буквального смысла или иная система письма» [6, с. 8]. ФЕ *строить воздушные замки* [15] была заимствована из французского языка *faire des châteaux en Espagne*. В русском языке один из компонентов французского фразеологизма был преобразован в типичную синтаксическую структуру прилагательное + существительное *воздушные замки*. Такое преобразование не повлияло на общее значение образного выражения, а лишь сделало его более понятным русскому человеку. Эпитет *воздушный* ассо-

цируется с тем, что не может быть реализовано в действительности, что является иллюзорным. Интересным представляется тот факт, что в ряде европейских языков, в частности в английском *to build castles in the air*, итальянском *fare castelli in aria* и т.д., используется модель с существительным *воздух*, в то время как компонент *châteaux en Espagne* во французском языке, сохраняет уникальность и отсылает нас к историческим событиям XI века, когда французские дворяне по примеру короля Генриха Бурбонского мечтали отправиться в Испанию с целью обогащения и строительства там замков.

Ряд случаев свидетельствует о наличии в различных языках фразеологических универсалий, к которым традиционно относят «единицы, которые вошли в языки многих народов из исторических (главным образом античных), мифологических, известных литературных источников или же возникали у разных народов независимо одни от других вследствие работы общих механизмов человеческого мышления, близости отдельных условий жизни, трудовой деятельности, развития науки и искусства» [11, с. 72].

Отношение к судьбе, восприятие жизни как фатальности, неизбежности – основное значение тех ФЕ, которые выражают отношение к самому восприятию жизненного пути и необходимости быть осторожным. При этом для русской языковой картины мира характерна отсылка к христианским воззрениям и идее Провидения, оберегающего от нищеты, причем для этого необходимо совершать добрые дела, поддерживать бедных, заниматься благотворительностью, например: *Приведи Бог подать, не приведи Бог принять!* [4, т.1, 177]. Осторожность в высказываниях также необходима, т.к. говоря вслух о чем-либо, человек осуществляет действие в понимании мира с позиций архетипических представлений, составляющих основу русской языковой картины мира, например: *Не бранись тюрьмою да приказною избою* [4, т.3, с. 43].

Отдельную группу ФЕ составляют те, в которых реализован императив ‘не предпринимай бесполезных усилий, не приносящих никакого результата’, например: *Бездонную кадку водой не наполнишь* [4, т. 2, с. 315]. Интересно здесь включение бытовой реалии, характерной для крестьянской жизни на протяжении многих веков: кадка использовалась для хранения запаса воды, необходимого для хозяйственных нужд, и наполнялась по мере необходимости водой из колодца или другого пресноводного источника (ручья, реки, озера). Тот же императив рационального расходования усилий отражен и в значении ФЕ *Одним гусем поля не вытопчешь* [4, т. 2, с. 477]. Отметим, что и здесь реалии традиционного крестьянского хозяйствования являются опорными компонентами фразеологизма (гусь, поле).

Важное место в русской фразеологической картине мира занимают и ФЕ, в которых манифестирована идея необходимости труда, зачастую продолжительного и тяжелого, для обеспечения благополучия, например: *Глубже пахать – больше хлеба жевать* [4, т. 3, с. 543]. Отдельно необходимо отметить национально-специфическую черту русского менталитета, отражающуюся в контрастности восприятия окружающего мира и психологических особенностей личности. Эта «ситуация контраста» структурирована на уровне когнитивной деятельности и языкового сознания носителя русской лингвокультуры, что манифестировано вербально на различных языковых уровнях, прежде всего, лексическом и синтаксическом. Контраст – когнитивная категория, представляющая собой основание для оппозиций в структуре ФЕ. Эти оппозиции объективны, находят выражение в номинациях, ассоциациях и метафорических переносах. Бесспорна связь контрастов, выраженных вербально, с познанием и культурой, что обуславливает истинность со- и противопоставления различных материальных и духовных объектов. Поэтому ФЕ, строящиеся на оппозициях, обладают весьма ощутимой суггестивностью, оказывая влияние на эмоции и волевую сферу адресата с позиций отражения норм и ценностей русского лингвокультурного коллектива, например: *Молодость плечами покрепче, старость головою* [4, т. 2, с. 81] (противопоставление реализовано посредством языковых антонимов (молодость – старость), а также контекстуальных антонимов (плечами – головою). Та же модель составляет основу ФЕ *На чужой сторонушке рад своей воронушке* [4, т. 2, с.10]: противопоставлены по контрасту *чужой – своей*, в «ситуацию контраста» включены также *сторонушке – воронушке*.

Выводы

Культурогенность фразеологических моделей обусловлена тем, что в языковой картине мира фиксируются и приобретают фразеологическое значение такие семантико-синтаксические структуры, которые эксплицируют национальный менталитет, являющийся для них «духовной оснасткой», «психологическим инструментарием» [16, с. 87], т.к. лингво- и этнокультурные стереотипы, мифологемы, эталоны и нормы выборочно закрепляются в ФЕ. Таким образом, ФЕ этноспецифичны: их компоненты, имеющие смысловую нагрузку, одновременно культурогенны. Перспективным в этом направлении является изучение ФЕ с позиций обнаружения в них «следов» национальной культуры, которая фиксируется в их внутренней форме. Этнокультурная специфика обнаруживается и в лексическом составе ФЕ, а также в морфолого-синтаксических признаках лексем, включенных в ФЕ. В научной парадигме современной лингвистики актуальность приобретает и изучение дискурсивного функционирования ФЕ с учетом их семантических и прагматических трансформаций.

Список источников

1. *Амосова Н.Н.* Основы английской фразеологии. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. 208 с.
2. *Архангельский В.Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы фразеологии. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского государственного ун-та, 1964. 315 с.
3. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
4. *Даль В.И.* Пословицы русского народа: В 3-х т. Серия Живое русское слово. М.: Русская книга, 1993.
5. *Золотых Л.Г.* Когнитивно-дискурсивные истоки фразеологических единиц // Новое в когнитивной лингвистике. Кемерово: КемГУ, 2006.
6. *Золотых Л.Г.* Взаимодействие фразеологической семантики и семиотических средств культуры // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. С. 70-75.
7. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 283 с.
8. *Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка. 2-е изд. М.: Высшая школа, Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.
9. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 208 с.
10. *Мельникова А.А.* Язык и национальный характер. СПб.: Речь, 2003. 317 с.
11. *Мокиенко В.М.* Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 1999. 462 с.
12. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1980.
13. *Молчкова Л.В.* Фразеологический код как генеративный механизм фразеологической системы // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». 2011. № 6. М.: Изд-во МГОУ. С. 35-40.
14. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика: учебное издание. М.: АСТ «Восток-Запад», 2007.
15. *Телия В.Н.* Большой фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс. 2006
16. *Телия В.Н.* Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание. XXI съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1993.

17. *Телия В.Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988.
18. *Федорова К.Л.* Структурные модели фразеологизмов с компонентами-метеонимами в русском языке // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. 2013. 35 (326). Вып. 85. С. 123-126.
19. *Чернышева И.И.* Фразеология современного немецкого языка. М.: Высшая школа, 1970. 200 с.
20. *Шанский Н.М.* Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М.: Учпедгиз, 1959. 246 с.
21. *Шмелев А. Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

References

1. *Amosova N.N.* Fundamentals of English phraseology. L.: Publishing house of Leningrad University, 1963. 208 p.
2. *Arkhangelsky V.L.* Stable phrases in modern Russian. Foundations of the theory of stable phrases and the problem of phraseology. Rostov-on-Don: Publishing house of the Rostov state shock university, 1964. 315 p.
3. *Baranov A.N., Dobrovolsky D.O.* Aspects of the theory of phraseology. M.: Znak, 2008. 656 p.
4. *Dal V.I.* Proverbs of the Russian people: In 3 volumes. The Living Russian Word Series. M.: Russian book, 1993.
5. *Zolotykh L.G.* Cognitive-discursive origins of phraseological units // New in cognitive linguistics. Kemerovo: KemSU, 2006.
6. *Zolotykh L.G.* Interaction of phraseological semantics and semiotic means of culture // Cognitive factors of interaction of phraseology with related disciplines. Belgorod, 2013. P. 70-75.
7. *Krasnykh V.V.* Ethnopsycholinguistics and linguoculturology. M.: Gnosis, 2002. 283 p.
8. *Kunin A.V.* A course of phraseology of modern English. 2nd ed. M.: Higher school, Dubna: Publishing house Phoenix, 1996. 381 p.
9. *Maslova V.A.* Linguoculturology. M.: Publishing Center Academy, 2007. 208 p.
10. *Melnikova A. A.* Language and national character. SPb.: Speech, 2003. 317 p.
11. *Mokienko V.M.* Images of Russian speech: Historical and etymological sketches of phraseology. St. Petersburg: Folio-Press, 1999. 462 p.
12. *Mokienko V.M.* Slavic phraseology. M.: Higher school, 1980.
13. *Molchkova L.V.* Phraseological code as a generative mechanism of a phraseological system // Bulletin of MSRU. Linguistics series. 2011. No. 6. M.: Publishing house of MSRU. P. 35-40.
14. *Popova Z.D., Sternin I.A.* Cognitive linguistics: educational edition. M.: AST "East-West", 2007.
15. *Telia V.N.* The Big phraseological dictionary of the Russian language. M.: AST-Press. 2006
16. *Telia V.N.* Cultural and national connotations of phraseological units (from worldview to worldview) // Slavic linguistics. XXI Congress of Slavists. Reports of the Russian delegation. M., 1993. P. 302-314.
17. *Telia V.N.* Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world // The role of the human factor in language: Language and picture of the world / Ed. B.A. Serebrennikov. M., 1988. P. 173-204.

18. *Fedorova K.L.* Structural models of phraseological units with components-metonyms in Russian // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Ser. Philology. Art criticism. 2013. 35 (326). Issue 85. P. 123-126.
19. *Chernysheva I.I.* Phraseology of the modern German language. M.: Higher school, 1970. 200 p.
20. *Shansky N.M.* Essays on Russian word formation and lexicology. M., 1959. 246 p.
21. *Shmelev A.D.* Russian language and non-linguistic reality. M.: Languages of Slavic culture, 2002. 496 p.

Статья поступила в редакцию 14.11.2021; одобрена после рецензирования 25.11.2021; принята к публикации 01.12.2021.

The article was submitted 14.11.2021; approved after reviewing 25.11.2021; accepted for publication 01.12.2021.